

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XXVII Международной научной конференции
(26–28 октября 2016 г.)

Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

Bonnie rat – боец, имеющий большой опыт в боевых действиях [5].

Влияние корейской войны:

Chicom – китаец-коммунист;

Chinat – китаец-националист;

Jettie – реактивный двигатель;

Pipe – реактивный самолет;

Tombi – сигарета (заимствование из корейского языка) [6].

Таким образом, мы проанализировали, под влиянием каких факторов происходят изменения в военной лексике английского языка. Также на примерах рассмотрели, какое влияние могут оказывать вооруженные конфликты на военный сленг. Кроме того, переводчику необходимо учитывать контекст, от которого может варьироваться значение определенных слов и выражений [7].

Литература

1. Гарбовский Н.К., Мишкурин Э.Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 2. С. 16–41.
2. Учебник военного перевода. Английский язык. Общий курс / Л.Л. Нелюбин, А.А. Дормидонтов, А.А. Васильченко. М: Военное издательство министерства обороны СССР, 1981.
3. Митчелл, П.Д. Английский военный сленг: понятие, способы образования, тематическая классификация // Язык и культура. 2014. № 3 (27). С. 64–73.
4. Митчелл, П.Д., Холдаенко, И.С. Американский военный сленг. Влияние войны против терроризма // Язык и культура. 2016. № 1 (33). С. 25–32.
5. Митчелл П.Д., Холдаенко И.С. Американский военный сленг. Влияние Войны во Вьетнаме // Язык и культура. 2015. № 3 (31). С. 37–43.
6. Митчелл П.Д., Холдаенко И.С. Американский военный сленг. Влияние Корейской войны // Язык и культура. 2015. № 2 (30). С. 51–57.
7. Mitchell L.A., Mitchell P.J., Vozdvizhenskiy V.V. The Role of Actual Situational Contexts in the Interpretation of Situation-bound Utterances // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 200. P. 313–317.

М.А. Шевченко, А.А. Игнатов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и развития военного перевода. Приводится хронологическая последовательность становления дисциплины «военный перевод» как отдельной специальности. Отмечается роль лингвистического обеспечения в системе вооруженных сил и значимость военных переводчиков в контексте международного взаимодействия.

Еще с древних времен организованные вооруженные группы при совершении походов осознавали важность языкового взаимодействия с союзными или противоборствующими народами. Любой вид коммуникации не обходился без посредника, выполнявшего роль переводчика. Уже позднее на этапе становления государств и профессиональных армий, ремесло военных переводчиков не теряло свою актуальность. Однако сама профессия «военный переводчик» возникла не так давно. До определенного времени лингвистическое обеспечение военной деятельности не рассматривалась, как отдельная проблема, не существовало учебных заведений для обучения военному переводу, как и самого термина «военный перевод». Задачи лингвистического обеспечения решались по мере их возникновения, как правило, за счет привлечения «билингв», либо из числа действующих военнослужащих или местных жителей. Только с появлением такого исторического явления как «мировая война», возникновения устойчивых

международных военных коалиций, множества новых родов войск и служб в вооруженных силах воюющих государств и технических средств связи, высшие военачальники стали осознавать необходимость в военных переводчиках.

Вопреки существующей точке зрения о том, что теория перевода как наука появилась только в 50-е годы прошлого столетия, когда исследователи начали обобщать богатейшую накопленную на тот момент практику перевода с целью создания частной теории, многие специалисты, как правило, выделяют четыре периода ее развития. При этом военный перевод как вид специального перевода окончательно сформировался именно в четвертый, заключительный на данный момент этап, который по классификации П.И. Копанева [5] получил название «новейший» и ведет свой отсчет с конца XIX – начала XX века.

Первым случаем массового использования военных переводчиков, как штатных единиц, считается Первая мировая война. В вооруженных силах государств Антанты на должности военных переводчиков назначались французские солдаты и офицеры, владеющие английским языком, которые либо обучались, либо работали до войны в Англии [1]. Будучи билингвами, эти люди, как правило, имели достаточный опыт военной службы, но не имели специального языкового образования. В своей служебной деятельности они исполняли роль так называемых «посредников» (gatekeepers) между коммуникантами, которыми являлись военнотружущие стран-союзниц по коалиции, а также органы военного управления, гражданское население и администрация территорий, на которых велись боевые действия и располагались войска. Одним из таких переводчиков служил французский офицер Эмиль Саломон Вильгельм Эрзог, впоследствии ставший знаменитым писателем под псевдонимом Андре Моруа. Именно он позже в своих книгах первым описал деятельность военных переводчиков, как посредническую, где важным было не только владение иностранным и родным языком, но также было необходимо сглаживать культурные и социальные различия между сторонами. Позже это очень точно опишет Г.М. Стрелковский, указав что: «Процесс перевода есть сложный творческий процесс, который не ограничивается только рамками лингвистической проблематики, а в значительной своей части выходит далеко за ее пределы, затрагивая многие внелингвистические факторы, в том числе и социологического характера, без которых ни один акт языкового общения не обходится» [7]. О деятельности военных переводчиков упоминал и другой непосредственный участник событий той войны Уинстон Черчилль: «Трудно себе представить ту степень деликатности, которая требовалась от этого, не вписывающейся в привычные стандарты человека – не француза и не англичанина, не офицера и не солдата, не военного и не гражданского, которому приходилось запоминать разговоры капитанов и полковников, находясь в смертельно опасной ситуации, в бою, а затем, этим же вечером, он должен был доложить об услышанном командующему армии в его штаб-квартире» [1].

Несмотря на появление в вооруженных силах некоторых государств специальности «военный переводчик», на момент окончания Первой мировой войны еще никто не задумывался об отдельном обучении военных лингвистов. В военных кругах господствовала точка зрения, что для лингвистического обеспечения было достаточно билингв, не имеющих специального образования. Такая ситуация, за некоторыми исключениями, в большинстве армий сохранялась вплоть до Второй мировой войны. И только с началом военных действий, после того, как проблема стала очевидной, стали предприниматься экстренные меры по ее решению.

Так, например, весной 1941 года несколько офицеров разведки американских Сухопутных войск предупредили свое руководство о проблеме, выражающейся в том, что в военное время американским вооруженным силам могут понадобиться переводчики с японского. После долгой волокиты подполковнику Венерлингу удалось получить разрешение на открытие школы для переводчиков, имеющих базовый уровень японского языка, и в ноябре 1941 года школа была открыта в Криси-Филд, Сан-Франциско, имея в своем штате 4 преподавателя и 58 студентов, 58 из которых были американцами японского происхождения. Последовавшая вскоре атака на Перл-Харбор подтвердила необходимость данной программы и весной 1942 года школа была переведена в Кэмп Савдж, Миннесота, и ее штат был увеличен. Школа закрылась толь-

ко в 1946 году, выпустив к тому моменту 6000 переводчиков, многие из которых были призваны прямо из лагерей для интернированных, где их семьи продолжали находиться вплоть до конца войны [2].

Также проблема с отсутствием специально обученных военных переводчиков решалась и за счет внутренних ресурсов вооруженных сил. Например, Рихард Зонненфельдт, ставший старшим переводчиком для группы американских следователей, допрашивавших нацистских лидеров, так описал неожиданные метаморфозы своей военной карьеры, произошедшие благодаря его лингвистическим навыкам: «Сейчас, будучи только двадцати двух лет от роду, в результате комбинации из моих способностей языку и цепи случайных событий, я был замечен как солдат, владеющий двумя языками, и был выдернут из пучины безвестности службы рядовым в автомобильном парке на сцену послевоенной истории для участия в суде над нацистами» [3].

В России первые упоминания о деятельности военных переводчиков можно найти в описаниях эпохи Петра I. Именно тогда, при активном строительстве вооруженных сил по европейскому образцу, в армию, в качестве офицеров попало огромное количество выходцев из дворянских семей, многие из которых, получив прекрасное образование, свободно владели иностранными языками. Вполне естественно, что они использовали свои знания на службе, особенно при ведении войн, выражаясь современным языком, для «лингвистического обеспечения военной деятельности», а иначе говоря, сбора и обработки разведывательных данных, допросе военнопленных и перебежчиков, участии в переговорах различного уровня и т.п. Поскольку дворяне составляли основу офицерского корпуса России вплоть до революции, то справедливо будет сказать, что русская армия не испытывала большого недостатка в людях, владеющих основными европейскими языками [1]. Но опыт множества русско-турецких войн и русско-японской войны 1905 года показал катастрофическую нехватку военных специалистов, владеющих восточными языками. Именно плачевные результаты русско-японской войны подтолкнули военное руководство к созданию специализированных военно-учебных заведений для подготовки военных переводчиков. К сожалению, воследовавшие глобальные потрясения в государстве отодвинули эту задачу на дальний план.

В СССР данная военная специальность была введена приказом Заместителя народного комиссара по военным и морским делам И. Ульрихта № 125 от 29 мая 1929 года «Об учреждении звания для начсостава РККА «Военный переводчик»». В молодом советском государстве господствовал сугубо практический подход к вопросам военного строительства и военные руководители считали, что проблему подготовки переводчиков для вооруженных сил можно решить, перепрофилировав студентов и преподавателей языковых вузов. Но гражданские специалисты при работе столкнулись с огромными проблемами, в первую очередь – из-за незнания военной терминологии и военных реалий. Поэтому было принято решение – отправлять кадровых офицеров на краткосрочные (от трех до шести месяцев) курсы по изучению иностранных языков. Несмотря на то, что опыт такой подготовки вскоре очень пригодился во время Великой отечественной войны для ускоренной подготовки большого количества переводчиков немецкого языка для вооруженных сил, данный подход имел существенные недостатки, главный из которых – невозможность обучить уверенному владению иностранным языком (особенно восточным) за столь короткое время.

Поскольку при форсированном развитии вооруженных сил СССР крайне нуждался в западных военных технологиях, страна была вынуждена начать активное военное сотрудничество с другими странами. В конце 30-х, началась гражданская война в Испании, в которой Советский союз принял активное участие, посылая туда военнослужащих, оружие и технику, а также военных специалистов. Соответственно, немедленно возникла проблема с лингвистическим обеспечением их деятельности. «Переводчики составляли большую часть советского обслуживающего персонала в Испании. За некоторыми исключениями, большинство советников и военспецов, прибывших из СССР, не владели испанским языком, поэтому для их эффективного взаимодействия с испанцами требовалось большое количество переводчиков. Поступило вполне разумное предложение, что каждому военному советнику придавался собственный переводчик, но данное условие даже близко не выполнялось» [4].

Поэтому, в те годы возникла необходимость в специалистах, которые помимо владения чисто языковыми компетенциями, владели еще и компетенциями профессиональными (военными). Другими словами, в 30-х годах прошлого столетия возникла необходимость в военных лингвистах, людях, свободно владеющих одним или несколькими иностранными языками и хорошо ориентирующихся в военном дискурсе, знающих военную лексику и военные реалии. Стало понятно, что подготовить таких специалистов можно только в специализированных высших военно-учебных заведениях. Поэтому в 1940 году были открыты Военный факультет западных языков при Московском государственном педагогическом институте иностранных языков, которым руководил кандидат военных наук генерал-майор Н. Н. Биязи, работавший в 1936–1938 гг. военным атташе в Италии и Военный факультет при Московском институте востоковедения. В стенах этих ВУЗов работали лучшие специалисты тех лет: К. Г. Крушельницкая, О. И. Москальская, А. В. Монигетти, А. А. Сырейщикова, А. М. Таубе, З. М. Цветкова, Б. Э. Шванебах [4]. Именно эти люди заложили основы отечественной школы военного перевода.

После второй мировой войны появление новых блоков и международных организаций, в первую очередь – ООН, НАТО и Варшавского договора послужило катализатором расширения международного военного сотрудничества, что повлекло за собой увеличение числа должностей в ВС СССР, на которые назначались военные переводчики и соответственно – увеличение набора в профильные военно-учебные заведения. При относительно массовой подготовке военных переводчиков, возникла необходимость в создании единой методики обучения, что в свою очередь потребовало научного осмысления способов и методов, используемых военными переводчиками в своей деятельности [2]. Используемое до этого определение качественной подготовки переводчика, в котором считалось, что последний должен был хорошо знать два языка и предмет речи, оказалось недостаточным, необходимо было появление универсальных правил перевода (лексических) единиц одного языка в единицы другого [6].

Кроме того, после окончания войны у военных лингвистов вновь появилась возможность для фундаментальных исследований. Так, ученые, трудившиеся в созданном в мае 1963 года Военном институте иностранных языков (ВИИЯ), работали над целым рядом крупных проблем теории перевода и военного терминоведения, теории языковой коммуникации, типологического и сопоставительного языкознания. Соответственно, военными лингвистами была выведена отдельная частная теория военного перевода. Появилось определение военного термина, как устойчивой единицы синтетической или аналитической номинации. Сформировалось понятие ситуации действительности, как содержания речевого произведения, соотнесенное с реальной действительностью (реалиями иностранных вооруженных сил) и понятое субъектом на основе его индивидуального и общественного (социального) опыта и накопленных знаний [7].

В настоящее время обучение военных переводчиков ведется на факультете иностранных языков и зарубежной военной информации в составе Военного университета Министерства обороны России, военной кафедре МГИМО и в военно-учебных центрах при гражданских вузах, в число которых входит и учебный военный центр при Национальном исследовательском Томском государственном университете.

Литература

1. Baigorri J. Wars, languages and the roles of interpreters // *En les liaisons dangereuses, traduction, interpretation*. Universite Saint-Joseph, 173-204, Beirut, 2010.
2. Heimbürger F. Fighting together: language issues in the military coordination of First World War Allied Coalition Warfare // *Languages and the Military: alliances, occupation and peace building* / ed. by H. Footitt, M. Kelly, Basingstoke, 2012.
3. Sonnenfeldt, Richard W. Witness to Nuremberg. New York: Arcade Publishing, 2006.
4. Гаврилов А., Курапова Е. История возникновения военных переводчиков // *Виияковец*. 2012. № 1.
5. Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972.
6. Паршин А. Теория и практика перевода. СПб.: СГУ, 1999. 202 с.
7. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода (немецкий язык). М., 1979.